

СВИДЕТЕЛЬСТВО И ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
КАК УМЫШЛЕННЫЕ ИГРЫ С ПАМЯТЬЮ
В ТЕКСТАХ КЛАССИЧЕСКИХ ГРЕЧЕСКИХ АВТОРОВ

Анна Алексеевна Новохатько

Университет Аристотеля (Салоники)

Фрайбургский университет

имени Альберта – Людвига

(Фрайбург-в-Брейсгау)

anovokhatko@lit.auth.gr

Противопоставление «свидетелей» (мемуаристов / авторов воспоминаний) как повествователей и «историков» как авторов, объединяет которых общий интерес к прошлому, является общепринятым, так же как противопоставление памяти и истории. Авторы с древнейших времен используют память и забвение как сознательно (исходя из каких-либо идеологических установок), так и неосознанно. Архаические и классические греческие авторы, утверждая, что говорят правду, апеллируют к свидетельствам и очевидцам и подкрепляют свой собственный авторитет изложением событий прошлого, нарратив о которых они сами формируют в восприятии своих реципиентов. Тем самым они управляют памятью своих реципиентов, определяя количество и порядок информации по собственному желанию.

У комического драматурга Филемона (конец IV в. н.э.) есть персонаж, который утверждает в fr. 99, 5–7 PCG: «Возьмите Гомера в доказательство (*τεκμήριον δὲ τοῦδε τὸν Ὅμηρον λάβε*): ведь он пишет нам тысячи стихов, но никто никогда не называл Гомера нудным». Этот персонаж советует своему собеседнику, возможно, в более широком контексте риторических дебатов, какую речь следует считать слишком длинной и затянутой, а какую нет, указывая в качестве примера длинный, но увлекательный слог у Гомера (Mastellari 2022).

Интересно здесь у Филемона применение термина «свидетельство» (*τεκμήριον*). Гомер приводится в качестве свидетельства для иллюстрации стиля, обсуждается и оценивается литературное качество гомеровского текста. Схема, когда Гомер служит доказательством для аргументации, в остальном хорошо знакома классической литературе. Фукидид

использует гомеровский авторитет для доказательства исторических фактов (*τοσαῦτα μὲν Ὀμηρος ἔτεκμηρίωσεν*), например, того, что в древности на Делосе проходили большие пиры (Thuc. 3, 104, 6). Письменный гомеровский текст как материал для стилистической и литературной критики является частью процесса взаимодействия между комедией и научным дискурсом в Афинах¹.

Действительно, протоконцепты методологического исследования, такие как «точность», «ошибка», «исследование», «доказательство», «подтверждение» и многие другие, все больше входят в употребление в классической Греции к концу V в. до н. э. Некоторые предпосылки такого исследования и определенные эпистемологические требования можно проследить уже в архаической поэтике. К примеру, в символическом заявлении о способностях Гесиода как певца Музы заявляют: «Мы умеем говорить много лжи, похожей на правду (*ἴδμεν ψεύδεα πολλὰ λέγειν ἐτύμοισιν ὁμοῖα*), мы также знаем, как произносить истины, когда хотим (*ἴδμεν δ' εὖτ' ἐθέλωμεν ἀληθέα γηρύσασθαι*, Hsd. Th. 27–28)» (Halliwell 2011: 13)². Широко обсуждаемый термин *ψεύδεα* и его аналоги означают, что любой рассказ о настоящем, прошлом или будущем является ложным. Эта лексика также используется в гомеровском эпосе для определения ложных пророчеств или божественного обмана (ср. *Il.* 21, 276; 2, 81; 2, 348–349; *h.Hom.* 4, 562–563).

Второй термин, *ἀληθέα* (дословно «не подлежащий забвению»), относится к информационному содержанию эпической поэзии (Cole 1983; Tor 2017: 67–68). В отличие от *ἀληθέα*, термин *ἔτυμος* или его синоним *ἐτήτυμος* может квалифицировать либо речь как реальную / фактическую, либо предметы и ситуации как реальные или подлинные, способные осветить внутреннюю природу вещи (West 1978: 362)³. Введение Гесиодом четырехчленного понятия «ложного» (*ψεύδεα*), «истинного» (*ἀληθέα*), «реального» (*ἔτυμα*) и «подобного реальному» (*ἐτύμοισιν ὁμοῖα*)

¹ Ср. комических поэтов, цитирующих Гомера, который «делал умные замечания», Ag. Pax 1096 (*ὁ σοφός τοι νῆ Δί' Ὀμηρος δεξιὸν εἶπεν*) и Ag. Av. 575 (*Ὀμηρος ἔρασκ'*).

² Подробный анализ и дальнейшую библиографию см. (Tor 2017: 61–75).

³ Об эпистемологических последствиях, вытекающих из этого противопоставления, см. (Strauss Clay 2003: 60–62; Stoddard 2004: 84). См. также (Riu 2019) и (Tor 2017: 65–72), которые помещают этот отрывок в широкий эпистемологический контекст архаической греческой мысли. Гонзалес (González 2013: 256) более осторожен: «Insofar as ἀληθέα, as the marked term, remained tied to verbal utterances, ἐτήτυμα was the natural choice to apply to their real-world referents». Ср. также Hsd. Op. 10: *ἐτήτυμα μωθησαίμην* и *μωθήσασθαι*.

составляет принцип достоверности архаической поэтологии, получивший дальнейшее развитие в лирике, а затем и в историографии.

Как утверждалось недавно в исследовании, посвященном роли Пиндара в возникновении понятия литературы, достоверность как исторический концепт утвердилась в V в. до н.э. в различных жанрах, отражая аспекты авторитетной речи, апеллировавшие к понятиям подлинности (*ἔτυμος* и *ἐτήτυμος*), правдоподобия (*πιστός*), точности (*ἀτρέκεια*) и истины как способа взглянуть на прошлое (*ἀλήθεια*) (Maslov 2015: 185–186)⁴.

Пиндар также противопоставлял мифическое и рациональное мышление, используя стандартное сопоставление повествования «мифа» с изложением разумных фактов, воплощенных в «логосе». В его первой олимпийской оде (476 г. до н.э.) говорится, что существует много чудес, и одно из них, речь смертных, выходит за рамки истинного рассказа (*ὑπὲρ τὸν ἀλαθῆ λόγον*). Вымышленные истории также обманывают (*ἐξαπατῶντι μῦθοι*), украшенные пестрой ложью (*δεδαίδαλμένοι ψεύδεσι ποικίλοις*, Pind. *Ol.* 1, 28–29). В этом коротком пассаже собраны сразу несколько основополагающих понятий ранней поэтики: *τὸν ἀλαθῆ λόγον, ἐξαπατῶντι, μῦθοι, ψεύδεσι*.

Такие идеи рождались в поэтическом и рапсодическом контексте и распространялись на новые развивающиеся прозаические жанры. Раннегреческий историк и географ Гекатей Милетский (ок. 550 — ок. 476 гг. до н.э.) открыл свое прозаическое произведение (сохранившееся во фрагментах) не обращением к Музам или какому-либо другому божеству, а программным, намеренно полемическим призывом к новым стандартам правдоподобия, основанным на его собственном авторитете. Он называет себя по имени: «Гекатей из Милета говорит так» (*Ἐκαταῖος Μιλήσιος ὧδε μυθεῖται*), затем излагает принципы своего авторского творчества. Он заявляет, что пишет следующее, потому что это показалось ему правдой (*τάδε γράφω, ὥς μοι δοκεῖ ἀληθέα εἶναι*) и потому что сказки других греков кажутся ему многочисленными и нелепыми (*πολλοὶ τε καὶ γελοῖοι καὶ ἐμοὶ φαίνονται <καὶ> εἰσίν*, fr. 1a *FGrHist* 1). Гекатей видит себя здесь писателем, противопоставляя себя (в 1-м лице единственного числа) другим авторам, чьим рассказам доверяли меньше⁵. Гекатей утверждает тем самым, что личное суждение автора является единственным стандартом истины (Bertelli 2001: 81)⁶.

⁴ Ср. также (Komornicka 1972) и (Cole 1983).

⁵ См. анализ этого фрагмента у (Bertelli 2001) и (Pownall 2013) с дальнейшей библиографией. См. также (Ford 2019: 73–74; Riu 2019: 247).

⁶ См. также (Fowler 2001: 102).

Геродот следом за ним соединил «исследование» (*δίζηται*) с «точностью» (*ἀτρεκέστερον*). Приближение процесса поиска к научному поиску было важно для претензии Геродота на роль историографа, слово *ἀτρεκής* («точность, строгость») также оказалось решающим для более поздних филологических исследований. Примечательно также, что *δίζησθαι* несколько раз встречается у Геродота, относясь к критическому исследованию (Hdt. 4.16.1, 5.54.1, 7.142, см. Crane [1996]: 65)⁷.

Далее Фукидид хочет установить более высокие стандарты письма и научных методов и критикует своих предшественников. Основное противопоставление — письменный текст, который «вечен» (*ἐς αἰεῖ*), и произнесенное слово, предназначенное для слушания «немедленно, сиюминутно» (*ἐς τὸ παραχρῆμα*). «Точность» в процессе анализа фактов имеет для Фукидида решающее значение, а противопоставление слов (*ὄσα μὲν λόγῳ εἶπον*) и дел (*τὰ δ' ἔργα*) является главной задачей историографа (Thuc. 1.22.1). Еще более интенсивным нам представляется понятие «точность» (*ἀκρίβεια*), в применении к историческому повествованию (6.54.1)⁸.

Как показывают приведенные отрывки, создание словаря «подтверждения», «точности» и «уверенности» есть часть борьбы с забывчивостью, которую с самого начала вели греческие авторы (Fragoulaki 2020). Эта битва — грандиозное начинание и очень целенаправленное и амбициозное взаимодействие с литературными жанрами и их ролью в формировании памяти о прошлом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bertelli 2001 — *Bertelli L.* Hecataeus: From genealogy to historiography // *The Historian's craft in the age of Herodotus* / Ed. Luraghi N. Oxford: OUP, 2001. P. 67–94.
- Cole 1983 — *Cole T.* Archaic Truth // *Quaderni urbinati di cultura classica* 13, 1983. P. 7–28.
- Crane 1996 — *Crane G.* The blinded eye: Thucydides and the new written word. Lanham, Maryland [e.a.]: Rowman & Littlefield, 1996.

⁷ О важности понятия «точность» в классическом греческом языке см. (Kurz 1970). О приеме забывчивости у Геродота как нарратологическом приеме см. (Hernández Garcés 2021).

⁸ О «точности» Фукидида и его методологии анализа см. (Kurz 1970: 40–61; Trédé 1983; Crane [1996]: 50–73).

- Ford 2019 — *Ford A.* Linus: The rise and fall of lyric genres // Genre in Archaic and Classical Greek poetry: theories and models / Eds. Foster M., Kurke L., Weiss N. Leiden-Boston: Brill, 2019. P. 57–81.
- Fowler 2001 — *Fowler R. L.* Early *historiē* and literacy // The Historian's craft in the age of Herodotus / Ed. Luraghi N. Oxford: OUP, 2001. P. 95–115.
- Fragoulaki 2020 — *Fragoulaki M.* Introduction. Collective memory in ancient Greek culture: concepts, media, and sources // *Histos Supplement* 11, 2020. P. ix–xliv.
- González 2013 — *González J. M.* The epic rhapsode and his craft: Homeric performance in a diachronic perspective. Cambridge, Mass. and London: CHS, 2013.
- Halliwel 2011 — *Halliwel S.* Between ecstasy and truth: interpretations of Greek poetics from Homer to Longinus. Oxford: OUP, 2011.
- Hernández Garcés 2021 — *Hernández Garcés C.* Forgetfulness as a narrative device in Herodotus' Histories // Ancient memory: remembrance and commemoration in Graeco-Roman literature / Eds. Mawford K., Ntanou E. Berlin. Boston: De Gruyter, 2021. P. 267–290.
- Komornicka 1972 — *Komornicka A. M.* Quelques remarques sur la notion d'*alatheia* et de *pseudos* chez Pindare // *Eos* 60, 1972. P. 235–253
- Kurz 1970 — *Kurz D.* AKPIBEIA. Das Ideal der Exaktheit bei den Griechen bis Aristoteles. Göppingen: Kümmerle, 1970.
- Maslov 2015 — *Maslov B.* Pindar and the emergence of literature. Cambridge: CUP, 2015.
- Mastellari 2022 — *Mastellari V.* Did Homer write? Understanding Philemon fr. 99 K.-A. in the light of its cultural context // *International Yearbook for Hermeneutics* 20, 2022. P. 252–270, 2022.
- Pownall 2013 — *Pownall F.* Hekataios of Miletos (1) // *Jacoby Online*. Brill's New Jacoby, Part I / Ed. Worthington I. Leiden: Brill, 2013. DOI: 10.1163/1873-5363_bnj_al
- Riu 2019 — *Riu X.* Vérités et performance publique. Quelques réflexions sur *alētheia* // La Poesie archaïque comme discours de savoir / Ed. Desclos M.-L. Paris: Classiques Garnier, 2019. P. 245–258.
- Stoddard 2004 — *Stoddard K.* The narrative voice in the Theogony of Hesiod. Leiden / Boston: Brill, 2004.
- Strauss Clay 2003 — *Strauss Clay J.* Hesiod's Cosmos. Cambridge: CUP, 2003.
- Tor 2017 — *Tor S.* Mortal and divine in early Greek epistemology. A study of Hesiod, Xenophanes and Parmenides. Cambridge: CUP, 2017.
- Trédé 1983 — *Trédé M.* ἀκριβεία chez Thucydide // *Mélanges Édouard Delebecque*. Aix-en-Provence: Public. Univ. de Provence, 1983. P. 407–415.
- West 1978 — Hesiod, Works and Days / Ed. West M. L. with proleg. and comm. Oxford e.a.: OUP, 1978.